

НОВАЯ МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ОЛЕГ БОНДАРЕВ

**МЕРТВЫЙ
КОРТЕЖ**

Олег Игоревич Бондарев

Мертвый кортеж

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6715563
Мертвый кортеж: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084656-6

Аннотация

Кто сказал, что полицейский не может быть некромантом? Уж точно не Тайлер Гиллиган, детектив столичного отдела убийств. Объединив в себе два этих таланта, Тайлер невольно бросил вызов могущественному Шару Предназначений. И все бы ничего, если бы недавнее убийство слепого гоблина-цветочника не стало лишь первым в череде событий, навсегда изменивших Бокстон...

Олег Игоревич Бондарев

Мертвый кортеж

Посвящается Наталье Я., которая упрямо делает меня лучше

Смерть – это не самое худшее, что может произойти с человеком.

Платон

Не знаю, что лучше – зло ли, приносящее пользу, или добро, приносящее вред.

Микеланджело Буонаротти

– Явился не запылится, – проворчал судмедэксперт Адам Гафтенберг, когда я, проскользнув под лентой ограждения, приблизился к нему.

Наши с ним отношения вряд ли можно было назвать дружескими. Нередко у меня возникало желание отвесить старому брюзге звонкий подзатыльник, однако тот факт, что Адам был едва ли не лучшим судмедэкспертом во всем Черничном королевстве, всегда останавливал мою руку в моменты праведного гнева. В наше время хорошие спецы встречаются до безобразия редко, и потому ты вынужден мириться с дурным характером талантливых гадов, как бы сильно они тебя ни раздражали.

– Я тоже по тебе скучал, Гафтенберг, – с глумливой улыбкой заявил я и легонько хлопнул старика по плечу, отчего бедолага едва не рухнул навзничь.

– Поаккуратней, верзила! – прикрикнул на меня Адам, инстинктивно прижимая к груди чемоданчик с рабочим инструментом и грозно хмуря тонкие, будто нарисованные, брови.

– Что тут у нас? – не обращая внимания на скрипучий голос старого ворчуна, поинтересовался я.

– Труп, как обычно, – буркнул Гафтенберг. – Хочешь, сам взгляни.

– Хочу, конечно. Уберите простыню, – взглядом отыскав дежурившего у ленты сержанта, велел я.

Он без лишних слов выполнил мой приказ и поспешно отступил в сторону, дабы не загоразивать труп, а я шагнул к телу и, прищурившись, замер над ним. Возле мусорного контейнера лежал бородатый гоблин с клеймом цветочника на правой скуле; высокий и худощавый, он был одет в опрятный серый пиджак и серые же брюки. Глаза покойного были широко раскрыты, а ноги босы.

– Личность установили? – уточнил я, опускаясь на корточки рядом с трупом.

От убитого пахло вином и корицей. Видимо, успел выпить порцию-другую глинтвейна незадолго до смерти.

– Да, – отозвался Гафтенберг. – Зеваки признали в нем Фег-Фега, хозяина магазина «На вкус и цвет», что на западной окраине бульвара.

– Местные говорят, он был слепым, – вставил сержант.

– Слепым? – переспросил я. – Никогда прежде не встречал слепых цветочников.

– Он был единственным в своем роде, – пояснил Адам. – Что-то вроде местной реликвии.

– А родственники у него были? Жена? Дети?

– Племянник Гут-Гут. Помогал ему в магазине.

– За ним послали? – я повернулся к сержанту.

– Да, но магазин закрыт на висячий замок, – развел руками тот. – Видимо, парень в отъезде.

– Или сбежал, – задумчиво пробормотал я.

– Думаете, это он убил Фег-Фега?

– Не исключаю такой возможности, – пожал плечами я.

– Прикажете направить к магазину патрульных?

– Нет, не стоит. Они могут простоять там до второго пришествия Рута да так ничего и не дожидаться. Лучше я сам туда загляну, ближе к вечеру. Если парень так и не объявится, подадим в розыск, и дело с концом.

Сержант кивнул, соглашаясь, что так будет лучше всего.

– Давай пока забудем о племяннике, – предложил я, – и сосредоточимся на теле. Кто и когда нашел труп?

– Мальчишка лет девяти, живущий неподалеку, – ответил сержант. – Около двух часов дня он играл тут неподалеку и случайно наткнулся на мертвеца.

– Где мальчик сейчас?

– Дома, с матерью. Увиденное немало его шокировало.

– Ну еще бы... – пробормотал я.

Взгляд мой снова наткнулся на босые ступни Фег-Фега.

– Как думаешь, его могли убить из-за ботинок? – спросил я, обращаясь к Адаму.

– Только идиот покусился бы на гоблина из-за ботинок, – презрительно хмыкнул Гафтенберг. – Тем более – посреди Цветочного Бульвара, на глазах у десятка собратьев.

Я задумчиво кивнул, соглашаясь с его словами.

Всем и каждому известно, что гоблины равнодушны к цветам. Более увлеченных флористов не сыщешь при всем желании. И Цветочный бульвар являлся, по сути, физическим воплощением этой безудержной любви – куча магазинов, оранжерей, целые живые сады. И конечно же в этих богатых коллекциях среди цветов попроще зачастую находились редкие и, как следствие, необычайно дорогие экземпляры...

– А вот это гораздо больше походит на правду, – одобрительно кивнул Адам, когда я озвучил ему свою догадку насчет раритетного цветка. – Уж точно лучше, чем версия с ботинками.

– И все же, как думаешь, зачем убийца их взял? – не унимался я.

– Думать – твоя работа, Тайлер, – хмыкнул Адам. – Я лишь констатирую факты. У него нет обуви, и он, судя по следу на шее, задушен. Как, зачем, почему – вопросы не ко мне. Я даю факты, а ты на их основе выстраиваешь теории и находишь виновных...

– Тогда просто дай мне проклятые факты, – с усталым вздохом сказал я.

Четыре года назад один вид покойного гоблина, вероятно, заставил бы меня понервничать, но сейчас я гораздо спокойней отношусь к подобным вещам. Приобретенный опыт с лихвой компенсирует редкую седину в волосах и слегка расшатанные нервы. В конце концов покойники становятся всего лишь частью твоей повседневной жизни. Вместо «Надо же – трупы!» ты начинаешь думать: «Опять эти трупы...» и давишь зевок, разглядывая очередного мертвеца.

Я покосился в сторону Гафтенберга, который, присев на корточки рядом со мной, делал пометки в рабочем блокноте. Движения судмедэксперта были скупыми, резкими; карандаш едва не рвал бумагу, а грифельные обломки летели во все стороны. Старик не стремился создать шедевр поэтического искусства. Это был своеобразный конспект, необходимый для дальнейшей работы, – никаких лишних деталей, метафор, гипербол и прочей бесполезной мишуры. Поставив финальную точку, Адам возьмет в руки фотографический аппарат и сделает несколько снимков, с разных ракурсов, под разным углом. Затем внимательно осмотрит ногти мертвеца и, если отыщет под ними частицы кожи или фрагменты запекшейся крови, повезет найденные образцы в лабораторию для дальнейшего анализа. Все это займет уйму времени и, возможно, не принесет никакой реальной пользы. Утомительно, долго, скучно.

Куда эффективней с глазу на глаз побеседовать с покойным и напрямик спросить, кто его убил. Узнать, что называется, из первых уст. Но проделывать подобные трюки на глазах любопытных зевак и тем более моего старого недруга Гафтенберга я не желал: некромантов в Бокстоне ненавидели все, от мала до велика.

А ведь начиналось все довольно мирно. Когда эта школа магии только зарождалась, народ Черники связывал с ней большие надежды. Каждый мнил, что она со временем вырастет во что-то вроде неиссякаемого источника бессмертия, однако вскоре стала ясна полная абсурдность этих надежд. Некромантия позволяла возвращать мертвых к жизни – ни больше ни меньше. Она не способна была восстанавливать поврежденные временем ткани человеческого тела. Иными словами, некромант не мог гарантировать, что парень, умерший неделю назад, вернется точь-в-точь таким же, каким вы его помнили до кончины, ведь с его мозгом и телом уже произошли необратимые изменения. А уж предсказывать, как поведет себя такой мертвяк, не взялся бы даже самый опытный маг смерти: подчас зомби оказывались просто неуправляемы.

Самая же главная беда заключалась в том, что, умирая, некромант невольно забирал с собой в могилу и всех потревоженных им мертвяков. Сей факт немало огорчил хитрецов, которые всерьез мечтали с помощью некромантии обрести вечную жизнь, пережив мимолетный стресс самоубийства.

Люди разумные сразу смекнули, что подобные заигрыванья со смертью добром не кончатся.

И конечно же не ошиблись.

Знаменитое Восстание Шестидесяти Мечников грянуло без малого два века тому назад в начале печального октября, устлавшего Бокстон ковром из желтых листьев. Тогдашний король Джентри, потомкам более известный, как Шизоправ, приказал столичным некромантам воскресить роту гвардейцев. Защитники короны в недавнем прошлом ценой своих жизней пресекли государственный переворот, и Джентри конечно же считал, что он перед этими храбрецами в вечном долгу. Маги смерти, понимая всю глупость шизоправской затеи, воспротивились воле монарха, однако Шизоправ не собирался сдаваться так просто. Поняв, что угрозами чародеев не проймешь, он предложил им внушительную сумму денег.

И один – некто Курт Бениган – все-таки соблазнился.

Чем это обернулось для столицы, бокстонцы запомнили надолго. В результате прочитанного Куртом заклятья на улицы Бокстона вышла толпа безмозглых зомби, вооруженных полторными мечами. Разупокоенные успели отправить к праотцам около сотни горожан, прежде чем некроманты самолично не вздернули Бенигана на первом попавшемся столбе. Столица оказалась спасена, однако бокстонцы, взбешенные случившимся, потребовали, чтобы король незамедлительно казнил всех магов смерти разом. Лишь с превеликим трудом монарху удалось смягчить народный гнев. Поддавшись на уговоры Джентри, обитатели столицы милостиво позволили чародеям уйти далеко на север, где те обитают и поныне – в краю, который зовется Диким.

С тех пор некромантия в Чернике под запретом, и любой, вздумавший заняться темным волшебством, будет незамедлительно повешен.

Закончив осмотр, мы с Адамом позволили санитарам снова накрыть тело простыней и погрузить его в самоходку. Провожая гроыхающую труповозку рассеянным взглядом, я закурил сигарету, чем немало разозлил Гафтенберга, стоящего по левую руку от меня. Старик, видите ли, терпеть не мог запах табачного дыма.

– Когда стану мэром, обязательно запрещу курить на улице, – сказал он, ладонью разгоняя сизый туман.

– Когда ты станешь мэром, я переведусь в другой город, – хмыкнул я, не отводя взгляда от удаляющейся повозки. – Хотя о каком это я «когда»? Тут, скорей, «если вдруг»...

– Язва ты, Тайлер, – вздохнул Гафтенберг и, одернув плащ, пошел к зеленой самоходке, припаркованной неподалеку.

– Когда мне зайти за результатами экспертизы? – поинтересовался я, оглянувшись ему вслед.

– Завтра ближе к полудню, – буркнул собеседник.

– Чего так поздно?

– Не хами! – раздраженно бросил Адам. – Я же тебя с расследованиями не тороплю!

– Ладно, ладно, – примирительно сказал я. – К полудню, значит, к полудню. Если не найду убийцу раньше, обязательно загляну.

Кажется, последняя моя фраза немного его расстроила: не сказав больше ни слова, Адам забрался в самоходку и отбыл с места преступления.

Довольно гнусный поступок, если учесть, что сюда я ехал вместе с санитарями, и теперь, когда они укатили в морг, выручить меня мог только Адам. Впрочем, ожидать иного от Гафтенберга не следовало: этот тип никогда не упускал возможности подгадить ближнему своему вопреки одной из главных заповедей Вечного Жеребца Хорста.

Я выудил из кармана часы и посмотрел на циферблат. Время, как назло, поджимало: старина Бен успел бы три раза умереть от тоски, не будь он *уже мертв*.

Строго говоря, Бенджамин Кротовски не был зомби в привычном смысле этого слова. Подобным ожившим мертвяком гордился бы любой некромант, даже самый опытный и мастеровитый. Единственное отличие Бена от живого человека заключалось в несказанно хрупком теле, которое подчас разваливалось буквально на глазах – то кисть отпадет, то стопа, то ухо с носом, – что, впрочем, было легко поправимо: стоило поднести утерянную конечность к прежнему месту, и она моментально прирастала вновь. Магический ток, переполняющий его изнутри, позволял Бену творить с собой поистине удивительные вещи. А вот за идеальное состояние мозгов Кротовски должен благодарить уже не меня, а прихвостней Мохнатого Тони, решивших убить моего информатора с помощью огромной морозильной камеры. Воспользуйся они пистолетом, и о возвращении Бена к жизни можно было бы забыть...

Но они выбрали морозильную камеру. И это предопределило все.

Когда я сообщил воскрешенному Кротовски, что его убили, он не поверил. Более того, оттолкнув меня, парень спрыгнул с полки и ускользнул через заднюю дверь, которую забыли запереть меланхоличные санитары. Бен искренне верил, что его пробуждение в морге – лишь нелепая случайность и он по-прежнему живее всех живых.

Досадная ошибка.

Около девяти вечера воскрешенный предавался праздному безделью, когда в его квартиру нагрянул незадачливый вор. В общем-то, как нагрянул, так и смылся. Попробуй тут не смойся, когда застреленный тобой хозяин внезапно поднимается с пола, с задумчивым видом выковыривает из груди пулю и швыряет ее в помойное ведро, словно нечто пустячное, вроде фантика или апельсиновой корки!..

После ночного визита налетчика, растерянный и озадаченный, Бен сам явился ко мне за советом, чем, признаться, немало меня удивил. Пришлось выбирать – отправить его душу обратно в Покой или же позволить необычному «воскрешенцу» задержаться на брэнной земле. В итоге я, скрепя сердце, все-таки избрал второй вариант: за год мы с Беном успели сдружиться, и потому мне не слишком хотелось лишать парня случайно обретенной *последней жизни*. Таковое мое решение безумно обрадовало Кротовски. На следующий же день он перебрался в подвал заброшенного дома на западной окраине Бокстона, а я позаботился, чтобы его место на полке в морге занял безымянный бродяга, тело которого должны были кремировать вместе с другими неопознанными трупами в самое ближайшее время. Вскоре

столица забыла бедолагу Кротовски; они расстались, так и не успев толком узнать друг друга за двадцать пять лет.

С тех пор мы встречаемся в кафе «Скупой лепреконе» практически каждый день. После возвращения Кротовски в мир живых ответственность за его поступки легла на мои плечи, и потому я стараюсь не выпускать парня из вида. Для Бена же эти посиделки сродни глотку свежего воздуха для утопающего в море: общение со мной скрашивает его одиночество, а людская суэта вокруг позволяет хоть на время забыть, что он мертв и давно выпал из социума.

Ну и конечно же Бен по-прежнему делится со мной всевозможной информацией. Только добывает он ее теперь совсем другими способами.

– Такси! – воскликнул я, заметив, что самоходка с шашечками, громокая грайверами, споро катится в мою сторону.

Сидящий за рулем гремлин охотно дернул тормозной рычаг, и десяток щитков, разом выскочив из специальных пазов в брюхе повозки, впились в мостовую, будто клыки стального дракона. Звуки ударов, доносящиеся из-под опоясывающей самоходку железной «юбки», означали, что грайверы полны сил и решимости: видимо, водитель совсем недавно обновил содержимое движущего отсека.

– Куда изволите, сэр? – вежливо осведомился таксист, когда я забрался в кабину и уселся рядом с ним.

– Южный Бокстон, кафетерий «Скупой лепреконе», – отозвался я.

Водитель кивнул и, снявшись с ручника, обеими руками ухватился за руль. Заслонки вновь спрятались в потайные отсеки, и радостные грайверы, ничем более не сдерживаемые, потащили самоходку вперед. Умело переключая рычаги, гремлин петлял по городским улочкам и время от времени обгонял других, менее умелых водителей. В итоге, благодаря его расторопности, я оказался у дверей «Лепреконе» в пятнадцать минут пятого, опоздав на встречу с Беном всего на четверть часа.

– Держи, парень, – в чешуйчатую серую лапу перекочевала мятая пятерка с изображением короля. – Ты настоящий ас.

– Стараемся, сэр, – он полез было за сдачей, однако я остановил его:

– Не стоит. Мохнатый Тони и так обирает вас до нитки, так что лишнее оставь себе.

– Вы знакомы с Тони, сэр? – Гремлин с неподдельным испугом посмотрел на меня своими миндалевидными глазами.

– Видел издалека, – ответил я и, распахнув дверь, выбрался наружу.

У самого входа в кафе размалеванная нимфа в коротеньком платьице и туфлях на высокой шпильке обрабатывала дородного бородача в кожаном пиджаке. Судя по символу на его правой скуле, это был купец. Ритуал охмурения подходил к своему логическому завершению, когда на горизонте возник я и, продемонстрировав не в меру деятельной твари свое клеймо полицейского, вяло бросил:

– Свали.

Нимфа прошипела что-то на родном мелководном наречии, однако в открытую перепалку с копом вступать не решилась и послушно убралась прочь. Едва она скрылась из виду, бородач вздрогнул и ошарашенно уставился на меня.

– Вы, конечно, вряд ли мне поверите, но я только что спас вас от крупных неприятностей, – заявил я, весело улыбаясь растерянному джентльмену.

Судя по его неуверенному хмыканью, он действительно не поверил. Ну и Вирм с тобой, дружок, в следующий раз я просто пройду мимо... Подмигнув купцу на прощанье, я толкнул дверь кафе и зашел внутрь.

В «Скупом лепреконе», как обычно в это время суток, было не протолкнуться. Родители с дражайшими отпрысками увлеченно поедали мороженое в детском зале, влюбленные

парочки проникновенно ворковали, держась за руки, а горделивые одиночки хлебали пиво, с опаской глядя на весь этот сумбур из зала для взрослых. Мой друг сидел за покосившимся столиком в дальнем углу, надвинув серую шляпу на глаза и сплетя пальцы облаченных в перчатки рук.

– Привет, старина, – поздоровался я, усаживаясь на скамейку напротив и жестом привлекая внимание официантки, скучающей у кухонной двери.

– А я уж было подумал, что ты не придешь, – признался Бен, поправляя сползший шарф.

– Чего изволите? – подойдя к нашему столику, спросила длинноногая карла в заляпанном фартуке.

– Ванильный коктейль, – сказал я, откинувшись на спинку.

– Это все? – уточнила официантка.

– Пока что да.

Она удалилась на кухню, а я вновь повернулся к Бену и, озорно подмигнув, спросил:

– Ну что, как жизнь?

– Ну о-о-очень смешно... – протянул Кротовски, осуждающе качая головой.

– Сам подставился, – хмыкнул я. – Ладно, не корчи из себя недотрогу, это всего лишь шутка. Лучше расскажи мне вкратце, что творится в городе?

Кротовски огляделся по сторонам и, убедившись, что никому нет дела до нашего разговора, наклонился к столу.

– На улицах нынче беспокойно, – без тени иронии заявил он. – Ходят слухи, что вскоре в город прибудет некий могущественный артефакт.

– Что еще за артефакт? – выгнул бровь я.

– Не знаю. Пока что. Но планирую разведать в самое ближайшее время.

– Откуда хоть ветер дует?

– С юга.

– Опять, значит, Пересмешник мудрит, – презрительно фыркнул я. – И когда уже этот непоседливый психопат угомонится?

– Горбатого могила исправит, – махнув рукой, сказал Кротовски с презрением. – Пока Моукера не прикончит какой-нибудь сорвиголова, мы постоянно будем о нем вспоминать.

Тут подошла карла с моим коктейлем. Я благодарно кивнул, когда она поставила стакан на стол передо мной.

– Каждый раз, когда ты заказываешь эту штуку, вспоминаю детство, – сказал Кротовски с улыбкой. – А кем ты мечтал стать, когда был ребенком, Гиллиган?

– Бродячим музыкантом, – нехотя признался я.

– Но Шар Предназначений решил иначе, – с саркастической улыбкой произнес Бен, – и твоя детская мечта умерла одновременно с приглашением в полицейскую академию, которое он прислал тебе на восемнадцатый день рождения. Кстати, ты никогда не задумывался, почему Шар не выбрал для тебя некромантию? – последнее слово он произнес одними губами, дабы не привлекать внимание сидящих за соседними столиками посетителей.

– Конечно, задумывался.

– И к какому выводу пришел?

– Ну, очевидно, на роль детектива я подхожу чуточку больше, – облокотившись на стол, тихо ответил я.

– А может быть, в твоем случае Шар просто ошибся? – глаза Кротовски сузились. – Такой вариант не рассматривался?

– Выбор Шара может казаться странным или даже нелогичным, но мы оба знаем, что он никогда не ошибается, – уверенно заявил я.

– Это с какой стороны посмотреть, – заметил Бен. – Вот я, к примеру, раньше работал на Мохнатого Тони и прекрасно со своими обязанностями справлялся. А твой хваленый Шар, меж тем, предрекал мне будущее школьного учителя. Разве это нельзя расценивать как ошибку?

– Слушай, ты что, протестантской белиберды начитался? – поморщился я.

– Ну почему же сразу «белиберды»? Там хватает дельных замечаний по поводу *небывалой точности* твоего Шара...

– Даже слушать не желаю, – раздраженно бросил я. – По мне, так он прекрасно справляется с работой. И, к слову, твой пример абсолютно не показателен. Это не Шар ошибся – это просто ты захотел поступить ему наперекор.

– О чем ни капли не жалею, – холодно бросил Кротовски.

– И очень зря, – покачал головой я. – Да, пока ты держался Мохнатого Тони, с финансами проблем не возникало, но вспомни, чем все закончилось? Владыка Севера велел своим ребятам засунуть тебя в морозильник.

– Весьма разумный поступок, если учесть, что до этого я около года докладывал о его темных делишках одному полицейскому детективу, – самодовольно хмыкнул зомби.

Я пропустил его высказывание мимо ушей и продолжил:

– Пойди ты учителем в школу, этого бы не случилось.

– Как знать. Дети подчас бывают очень жестоки.

– Не ерничай. Ты знаешь, что я прав, – так же, как был прав Шар насчет твоего назначения.

– Ладно, к Вирму эти разговоры о Шаре, – отмахнулся Кротовски. – Лучше расскажи, как там у тебя с работой, появилось новое дело?

– Есть одно. Собственно, из-за него-то я и припоздал.

– Кто жертва? – без лишних прелюдий спросил Бенджамин.

Я вкратце рассказал ему о трупе, описал место преступления и конечно же не отказал себе в удовольствии отпустить пару колкостей в адрес Гафтенберга.

– Ваша взаимная любовь, как я вижу, и не думает угасать, – с улыбкой отметил Бен.

– Вроде того, – хмыкнул я. – Но сейчас меня куда больше волнует личность убийцы, чем старый ворчун. Как думаешь, кто мог иметь достаточно наглости и безрассудства, чтобы прикончить слепого гоблина посреди Цветочного бульвара? Мог ли это быть его племянник?

– Не думаю. Даже он бы на такое не осмелился, – покачал головой Бенджамин.

– Мне тоже так кажется, – кивнул я. – Но тогда кто? Киллер?

– Возможно, – пожал плечами Кротовски. – В конце концов, наемнику ведь не важно, кого, где и когда убивать, – лишь бы деньги платили соответствующие. Хотя, по-моему, все это больше смахивает на бессмысленные проделки очередного кретина, сбежавшего из клиники Милы Врачевательницы. Задушить гоблина посреди Цветочного бульвара и сбежать с его ботинками... Даже не представляю, кто мог заказать нечто подобное!

– Ну, к сожалению, мотивы далеко не всегда столь прозрачны, как нам бы хотелось, – пожал плечами я. – Поэтому вместо того, чтобы строить теории, я лучше побеседую с убитым. Лучшего свидетеля мне все равно не найти.

– Интересно, что бы ты делал без своего умения допрашивать мертвецов? – с ироничной улыбкой спросил Кротовски. – Сидел и ждал озарения?

– Тебя послушать, так я вообще никудышный сыщик, который выезжает только на некромантских штучках, – с долей обиды в голосе произнес я.

– Ну, на мой скромный взгляд, магического дара в тебе все-таки больше, чем сыскного, – без обиняков заявил Бен. – Ты смекалистый парень, очень смысленный, и с логикой у тебя порядок... но то, что ты выделяешь с неживой материей, – это же просто потряса-

юще, Гиллиган! Не будь ты столь талантлив, мой труп сожгли бы вместе с другими «везунчиками» из вашего морга еще пару лет назад!

– Честно сказать, твои слова вызывают у меня смешанные чувства, – признался я. – С одной стороны, приятно слышать, что ты считаешь мой талант некроманта выдающимся. С другой – я же все-таки в первую очередь детектив...

– То, что так сказал глупый Шар... – начал было Кротовски, но я без стеснения оборвал его, раздраженно воскликнув:

– Не будем об этом!

По счастью, в кафе стоял такой галдеж, что на мой возглас никто не обратил внимание. Собственно, за это мы с Беном и любим «Скупой лепреконт»: царящий вокруг шум позволял без опаски говорить о чем угодно – начиная от персоны короля и заканчивая могущественным Шаром Предназначений.

– В общем, если у тебя для меня больше ничего нет, я, пожалуй, пойду, – произнес я, поймав его взгляд. – Дела не терпят отлагательств. К завтрашнему дню постарайся узнать, что за артефакт направляется в Бокстон, а я пока что займусь поисками убийцы.

– Договорились, – кивнул Бен. – Завтра здесь, в то же время?

– Да, давай.

Я оперся на стол, чтобы подняться.

– Эм-м... Гиллиган?

– Что? – я вопросительно посмотрел на друга.

– Ты... ты, случайно, не мог бы дать мне... пару баксов? – спросил Бен, запинаясь.

– А у тебя что, уже закончились деньги? – нахмурился я.

– Ну, не то чтобы совсем... – протянул он, упорно пряча взгляд. – Но вчера я купил себе пару книг...

– И деньги все-таки закончились, – заключил я и полез за бумажником.

– Брось, Гиллиган, – поморщился зомби, когда я протянул ему двадцатку. – Пары долларов мне вполне хватит.

– Но ты ведь на мели?

– И что же, ты обязан вечно меня выручать? Глупость какая! Никто не заставлял меня транжирить. Уж точно не ты.

– Просто заткнись и возьми двадцатку, – посоветовал я.

Он нехотя сгреб купюру и, сжав ее в кулаке, буркнул:

– Спасибо, Гиллиган. Хоть и не стоило...

– Заканчивай, старина. Просто трать их с умом, а то мы с тобой не доживем до следующей моей полочки.

– Постараюсь, – кивнул Кротовски.

– Тогда до встречи.

Лавируя между столиками, я споро пошел к выходу. Спиной я чувствовал, что Бен смотрит мне вслед; зомби явно был чем-то встревожен. Наверное, это все из-за потраченных денег, решил я. Стыдится... И правильно делает! Нет, то, что он увлекается чтением, а не поеданием человеческих мозгов, разумеется, похвально, но нельзя ведь все спускать на книги!..

Из кафе я отправился напрямик в морг. Тамошний сторож Тобиас Валбер уже наверняка записал Фег-Фега в толстый журнал и, надев бирку на большой палец его правой ноги, запихнул бедолагу в одну из свободных морозильных ячеек. Пока я трясусь в самоходке, рядом с таксистом, от которого пахнет дешевыми сигаретами и несвежей рыбой, сторож попивает кофе с двумя кусочками лимона и наслаждается пением соловья. Грубая стальная клетка закреплена под самым потолком, чтобы никто не зацепил ее головой, и потому невысокому Валберу приходится забираться на табуретку, чтобы бросить соловью ягод бузины.

Иногда он угощает питомца муравьями, а по большим праздникам балует деликатесами – пауками и гусеницами.

– Всякий раз, когда захожу в морг, ломаю голову, – признался я, глядя на заливающегося соловья, – почему твой певец до сих пор не загнулся от холода?

– Морозостойкий потому что, – мрачно изрек Валбер, почесывая кучерявую бороду.

Он действительно пил кофе, как я и предполагал. Лимон, правда, отсутствовал – наверное, Валбер забыл пополнить запас цитрусовых, когда шел на работу.

Птица, не обращая на меня никакого внимания, продолжала надирать горло.

– Ладно, долгих лет твоей птахе, – сказал я, подходя к столу Валбера, – но сейчас меня куда больше волнует новый труп.

– Ты о гоблине? – вяло уточнил сторож.

– О нем. Давно Гафтенберг уехал?

– Да с час где-то, – покосившись на настенные часы, прикинул Тобиас. – А ты, как обычно, хочешь на тело взглянуть?

– Верно.

– И какой тебе интерес на них любоваться, не пойму... – шумно вздохнув, сторож откинулся на спинку кресла и одарил меня усталым взглядом. – Оставил бы это развлечение судебной медицине.

– Позволь мне самому решать, что и кому оставлять, ладно? – попросил я, стараясь не выказывать своего раздражения.

Когда в Валбере просыпается инстинкт отца, сторож начинает учить меня уму-разуму, чем конечно же безумно злит. Так и подмывает сказать ему что-то вроде: «Прежде чем увещавать других, привел бы ты себя в порядок, приятель». Но я проглатываю обиду, понимая, что ссориться с неряшливым бородачом мне не с руки: встанет Тобиас в позу – и не видать мне доступа к трупам, как своих ушей. Хорошо еще, что Валбер не знает о проводимых мной некромантских ритуалах, не то давно бы сдал меня властям.

– Да решай, ради пяти богов, – отмахнулся сторож. – Мне просто жаль твоего времени, парень. Тебе надо не с трупами, а с девками его проводить – и удовольствия больше, и для здоровья полезней.

– В какой зал его отвезли? – пропустив наставления Валбера мимо ушей, спросил я.

– В третий, – нехотя ответил сторож.

Он конечно же не собирался заканчивать беседу так быстро. Но мне-то какое дело до его намерений? Пусть себе дальше пьет кофе и слушает неугомонного соловья, а я пока преспокойно допрошу цветочника. Мне и надо-то минут двадцать, не больше.

– Номер ячейки?

– Сорок вторая.

– Давай ключ.

Сторож надулся.

– А я ведь не обязан тебя впускать, честно говоря, – заметил он, роясь в карманах.

– Конечно, не обязан. Как и я не обязан отстаивать твое право держать в морге клетку с соловьем, верно?

– Верно... – разом помрачнев, пробормотал Тобиас. – Ладно, держи.

– Вот и славно, – я с улыбкой принял ключ из его рук и, не говоря больше ни слова, устремился по одному из коридоров в направлении белой металлической двери с бледно-красной цифрой «три». В голосе соловья мне почудились осуждающие нотки: видимо, ему не понравилось, как я разговаривал с его хозяином.

А не надо брать на себя больше, чем можешь унести. Если ты сторож, твоя работа – сторожить, а не поучать детектива из отдела убийств, что ему следует делать, а что нет.

Я отворил дверь полученным от Валбера ключом и вошел в третий зал.

Внутри царил промозглый холод. Белые квадраты морозильных ячеек покрывали три стены из четырех; за каждой дверцей был горожанин, со своей судьбой, со своей историей и наследием. Когда-то все они бродили по улицам Бокстона, дышали, улыбались, ели, пили, жили, как им казалось, правильно, по уму – и все равно попали сюда. Что-то пошло не так. Кто-то решил ускорить процесс их отбытия на тот свет своим ножом, мечом, щепоткой яда или пулей, и бедолаги очутились в морге, вопреки собственной воле и предназначению. Тут были учителя, доктора, маги (этих, как правило, устраняли профессионалы высшей категории) и конечно же полицейские (да, нас тоже убивают, и гораздо чаще, чем нам хотелось бы). Пять раз за те четыре года, что я работаю детективом в управлении Бокстона, мне доводилось оживлять ребят, с которыми прежде мы болтали за обедом и делили последнюю оставшуюся в пачке сигарету, стоя у тела очередного покойника.

Еще вчера молодой сержант приподнимает ленту ограждения, чтобы мне легче было пройти, а уже сегодня я смотрю на его хладный труп и готовлюсь к новому ритуалу. Когда парень неуверенно открывает глаза, я с трудом сдерживаю слезы. Когда же он говорит что-то вроде: «Здравствуйте, сэр, а я что, в обморок упал, да?», сила воли подводит, и глаза мои начинают предательски блестеть. Слава пяти богам, что меня в эти моменты никто, кроме покойного, не видит.

На сей раз мне, по счастью, придется беседовать с незнакомцем, что не так уж и сложно, если прежде ты неоднократно поднимал мертвяков для допроса. Поначалу я жалел всех и каждого, позже зачерствел, что, к счастью, не превратило меня в бесчувственную сволочь, но позволило сохранять холодную голову, столь необходимую в работе детектива. Я задавал вопросы – максимально точные и простые, ведь у большинства собеседников мозги были уже мало на что пригодны – и анализировал полученные ответы. В худшем случае я получал приметы убийцы, в лучшем (что конечно же случалось значительно реже) – имя или кличку.

Закрыв дверь на засов, я прошел к ячейке с номером сорок два. Ключ, холодный, как и все в этом морге, легко вошел в скважину. Щелчок. Ячейка открыта.

Действуй, некромант.

Я взялся за выемку в дверце и потянул на себя. Изнутри повалил ледяной пар: морозило, как надо. Когда туман немного рассеялся, я увидел Фег-Фега; брови и волосы его покрывал иней, а кожа имела бледно-зеленый оттенок. Я невольно поежился: все-таки не зря покойникам принято опускать веки – уж больно жутким кажется этот стеклянный взгляд в никуда.

Я достал из кармана гибкий металлический обруч и надел его на голову убитого, осторожно приподняв ее. Затем, сняв с пояса ремень, скрутил им ноги покойного, а руки связал мотком веревки, который как раз для этих целей всегда таскал за пазухой. Покончив с приготовлениями, я отступил на шаг и придирчиво оглядел цветочника. По идее, все. Теперь хотя бы не убежит раньше, чем я объясню ему суть происходящего. По-хорошему, конечно, еще бы кляп в пасть засунуть, но челюсти свело так, что без надлежащего инструмента не разведешь. Ладно, будем надеяться, я докричусь до остатков его покалеченного рассудка раньше, чем он поднимет на уши Валбера и его неугомонного соловья.

– У темной воды, на берегу мрачном, – нараспев принялся читать я, – покойники души оставят свои. Живое для них навсегда во вчерашнем, поодаль владыка Покоя стоит...

По мере того, как я декламировал стих, в груди Фег-Фега разгорался магический белый огонек. Сначала это была точка, не больше, чем самая далекая звезда на небосклоне в туманную ночь, но к середине заклятья огонек достиг размеров детского мяча.

– Пусти же на миг одного из погасших, – продолжал я, замороженно глядя на язычок магического пламени, слегка подрагивающий, будто от сквозняка, – в родимые земли обратно направь. О том тебя просит с поклоном нижайшим слуга, ощущающий смерти ветра.

С последним словом огонь ярко полыхнул и погас – обруч позволил разряду магического тока пройти в тело умершего и вновь запустить остановившееся сердце. Вздрыгнув всем телом, гоблин часто заморгал.

– Не вздумайте кричать, – тут же предупредил я, вынимая из кармана блокнот и щелкая авторучкой.

– Где я? – спросил гоблин, растерянно вертя головой из стороны в сторону. – Ноги... Не чувствую? Нет! – он принялся извиваться, точно уж на сковородке, в отчаянных попытках освободиться. Левый глаз его при этом безостановочно дергался.

Хороша больница, подумал я, глядя на его мучения. Ледяная полка, ни подушек, ни одеяла, ни матраса. Да и я, честно сказать, меньше всего похож на санитаря. Впрочем, я тут же напомнил себе, что имею дело со слепым.

– Вы в морге, сэр, – безжалостно заявил я, – потому что несколько часов назад вас убили. Я же – детектив полиции, который оживил вас, чтобы задать несколько вопросов, пока Вирм не попросил вашу душу обратно. Так что давайте не будем даром тратить время и сразу перейдем к делу.

Пока он переваривал услышанное, нелепо шлепая губами, я начал:

– Вас зовут Фег-Фег, верно?

– Да... сэр, – неуверенно ответил гоблин.

– Скажите, где вы были сегодня утром, мистер Фег-Фег?

– Так я умер... сегодня, да?

– Да. Так где вы были утром?

– До... дома, – припомнил гоблин.

– Речь идет о магазине «На вкус и цвет», верно? – на всякий случай уточнил я.

– Ну да... сэр.

– Что вы делали после того, как проснулись?

– Ну, я встал – уже обед... – припомнил гоблин. – Умылся да вниз. Гут-Гут, племяш, на ярмарке – раз в две недели... туда, в общем, ездит. В четверг! Клиентов не было, я скучал. Решил погулять, взял сосиску... да пошел. По бульвару, без цели, один, совсем один... а потом вдруг задыхаюсь и... все. Наверное, тогда я и... умер?

Я одобрительно кивнул. Значит, Гафтенберг не ошибся: жертву действительно задушили. По крайней мере, последнее воспоминание убитого эту теорию подтверждало, пусть и косвенно.

– Вы видели... точнее, слышали что-нибудь подозрительное? Какой-нибудь голос, может, разговор между людьми или нелюдями? Или, допустим, как стучит по мостовой трость... костыль... протез?

– Нет, – покачал головой цветочник.

Я устало вздохнул. Слепота Фег-Фега, конечно, существенно усложняла дело. Там, где другие наблюдали картинку, он видел только непроглядную тьму.

– Помню вонь, – внезапно сказал гоблин. – Помню, скривился. Рыбой воняло. Жуть!..

Я недоуменно нахмурился. Рыбная вонь? Так может, тут орудовал киллер-осьминог? Я отогнал нелепые фантазии прочь и сказал:

– Неплохо, но мало. Может, было что-то еще?

– Нет. Только вонь. Гнилая рыба. Ужас, как пахло. Ох! – он снова содрогнулся всем телом, а его правая рука затряслась, будто от разряда магического тока. Тело гоблина было настолько повреждено, что лишь с превеликим трудом сдерживало в себе возвращенную мной душу. Что касается мозга бедняги, то он уже не способен был рождать связные предложения, но, по крайней мере, все еще мог худо-бедно обрабатывать информацию.

– Вас нашли возле мусорного бака, – устало произнес я. – Возможно, рыбой воняло оттуда?

– Нет, оттуда яйцами, – поправил меня гоблин. – Тухлыми. Запахи и звуки мне, как цвета... вам, сэр. Я только ими... жил. Так вот от бака – яйцами. Точно! Это я сразу понял... ну, когда в проулок... того... свернул, во! А рыбой... оно уже потом. Когда задышаться... нача-а-ал.

– Ясно, понятно... – задумчиво пробормотал я.

Трудно представить, что наемный убийца отправился бы на задание, источая подобные флюиды. Как минимум, это непрофессионально, как максимум – глупо. Мне начинало казаться, что версия Бенджамина о психе, сбежавшем из клиники Милы Врачевательницы, не такая уж и бредовая. По дороге домой, наверное, все же заскочу в управление и позвоню тамошним докторам. Глядишь, и разживусь парочкой имен.

Мечты, мечты...

Надеяться, что врачи клиники днями и ночами сидят перед телефоном в ожидании моего звонка, было глупо. В лучшем случае, я получу ответ не раньше завтрашнего утра, в худшем же мне придется выбивать ордер и самолично тащиться на западную окраину Бокстона, чтобы заглянуть в журнал больницы.

Что еще я мог предпринять? Арестовать всех жителей рыбацкого квартала? Или устроить засаду в рыбном магазине? Характерный запах, который учуял флорист, если и сузил круг подозреваемых, то ненамного.

– Как думаете, кто-нибудь мог быть заинтересован в вашей смерти? – спросил я. – Есть ли у вас враги, мистер Фег-Фег? Или, возможно, в вашей коллекции имеется редкий цветок, который некие ценители любой ценой хотели бы заполучить?

– Хм-хм-хм... – задумчиво промычал гоблин. – Нет. Нет врагов. Нет редко... го. Обычные цветы... родичи – вокруг!.. И – ни с кем. Не ругал... ся, сэр!

– Что ж, ладно, – сказал я, спешно сделав пометку в блокноте. – Ну, в любом случае, спасибо. Вы очень помогли мне, мистер Фег-Фег. Обещаю, что приложу все усилия, дабы скорейшим образом найти вашего убийцу.

– Лучше найдите сосиску, – попросил гоблин.

– Сосиску? – нахмурился я.

– Мой поводырь, – пояснил цветочник. – Такса. Гут-Гут назвал. Смешно... вроде.

А вот это уже похоже на ниточку, отметил я про себя. Теоретически, поводырь вполне может привести нас к убийце, если тот, конечно, не прикончил бедную собаку вслед за хозяином.

– Кстати, во сколько ваш племянник обычно возвращается с ярмарки? – уточнил я.

– Шесть... сэр. Когда закрываю... да!

– Ну, кто-то ведь должен сообщить ему о вашей смерти.

– То-о-очно... – пробормотал гоблин.

Вспомнив о том, что убит, он заметно погрузтел.

– Пришла пора возвращаться в Покой, мистер Фег-Фег, – сказал я со всей теплотой, на которую был способен.

– А никак мне... ну... тут? – робко поинтересовался цветочник, снова начиная нервно ворочаться на полке. – Остаться, во?

– Боюсь, что нет, – ответил я и, понизив голос, начал читать заклятье Отзыва:

– Прими же обратно угасшую душу, позволь навсегда погрузиться в Покой. Пора уже связи с реальностью рушить, для этого снова стою пред тобой...

В третьем зале бокстонского морга, кажется, стало еще холодней, чем прежде. Под аккомпанемент стучащих зубов Фег-Фега я заканчивал стих, заученный еще в юности по указке моего наставника Ромидаля:

– Твой верный слуга отдает в твои руки того, кто по праву кончины там был. Склонившись в поклоне, за эту услугу Покоя владыку он благодарил.

Душа оставила тело гоблина, и я услышал далекий, едва различимый лязг – как будто владыка Покоя и впрямь в сердцах захлопнул врата своего царства. А все потому, что слова с корнем «благо» служат своеобразным замком для отзывного стиха. Только они защищают некроманта от прожорливого Вирма, который никогда не откажется забрать в свое царство две души вместо одной. Ромидаль частенько рассказывал о первопроходцах некромантии, которые клали силы и время на алтарь новой магической науки, шли, можно сказать, на ощупь и нередко расставались с жизнями, проверяя очередную безумную догадку. Так вот одной из главных проблем чародеев прошлого был как раз пресловутый замок, сдерживающий аппетит Вечного Червя. Некромантия успела потерять немало достойных людей, прежде чем один паркстонский маг наконец вывел жизненно важное правило о корне «благо». С тех пор смертность среди некромантов заметно снизилась.

Шумно выдохнув, я оперся на покрытую льдом полку и на миг зажмурился. Отзыв мертвеца обратно в Покой всегда сопровождается острой головной болью. Каждый раз я до крови закусываю нижнюю губу и выжидаю время, пока незримый живодер, обитающий в моем черепе, не уймется. По счастью, ему хватает минуты, чтобы насытиться моими страданиями и снова отправиться на боковую.

Фух. Кажется, миновало.

Мотнув головой, я принялся за разоблачение Фег-Фега: обруч, все еще теплый, вместе с мотком веревки отправился за пазуху, а поясной ремень снова обхватил талию. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никаких следов моего пребывания тут не осталось, я на негнущихся ногах потащился к дверям. Чем ближе я подходил к своей цели, тем громче становилось пение соловья. Интересно, этот пернатый фигляр вообще затыкается? Наверное, только когда благодарный слушатель бросает ему в блюдо очередного червяка.

– Ты дольше, чем обычно, – заметил Валбер, едва я вынырнул из коридора.

Он не смотрел в мою сторону, но его тон мне не понравился – сторож будто обвинял меня в чем-то.

– Случай довольно любопытный, – пожал плечами я, стараясь, чтобы голос не выдал легкого моего волнения, неизбежного после встречи с покойником. – Вот и задержался.

– Знаешь, Тайлер, в последнее время я стал задумываться, – произнес сторож, подняв голову и пристально посмотрев на меня, – правильно ли я поступаю, позволяя тебе входить туда? Нет, с твоими достижениями не поспоришь, ты раскрываешь дело за делом, щелкаешь их, как семечки... но у меня же есть инструкции. Обязанности. Предназначение, в конце концов. Я не должен оставлять тебя один на один со свежим трупом, потому что...

– Потому что я могу скрыть одни улики и подкинуть другие, – спокойно закончил я. – Ты это хотел сказать?

– Не совсем, но...

– В общем, ты мне не доверяешь, – резюмировал я.

– Да не о доверии ведь речь, Тайлер! – воскликнул сторож так громко, что даже упрямый соловей в клетке заткнулся и оторопело уставился на хозяина. – Дело в страхе. Все это – игра с огнем. Тебя-то они, скорее всего, не тронут, ты в управлении человек, мягко говоря, не последний, да и рвение твое легко объяснить желанием поскорей докопаться до истины. А вот меня за нарушение инструкций наверняка попрут.

– Пока ты помогаешь мне, я буду помогать тебе. Это взаимовыгодная сделка.

– Я знаю, но... все равно боюсь. У меня ведь семья, Тайлер. Детям еще до предназначений расти и расти, а жене с ее клеймом домоседа, сам понимаешь, приткнуться некуда. Вот и получается, что держится все на одной моей зарплате.

– Кончай давить на жалость, – поморщился я. – Сказал же – со всем разберусь, если понадобится. Как уже разобрался с запретом на твоего треклятого соловья.